

О СЛАВЯНСКО-ТУРСКО-МОНГОЛЬСКИХ
СЕМИОТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ

/На материале "Слова о поюку Игореве"/

1. БОСЫЙ ВОЛК

Особого внимания в языке памятника заслуживают те слова и выражения, которые являются или редко встречающимися в других древнерусских текстах, или гапаксами. Определение "босый" — гапакс "Слова". Но относя "босый" к словам, зафиксированным только в одном этом произведении, нельзя быть до конца уверенным в том, что слово "босый" в действительности не существовало в более широком употреблении. Наша задача рассмотреть данный эпитет со стороны его этимологии, семантики и бытования.

Игорь... "въврѣсея на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ вълкомъ",...¹

Босымъ — членное прилаг. м.р. тв.п. ед.ч. По поводу заинтересовавшего нас сочетания "босый волк" высказано немало предложений, накопилась большая исследовательская литература. Но мы не ставим своей задачей исчерпать собранный обширный материал, а позволяем себе напомнить лишь некоторые известные сведения, которые могут облегчить выбор более корректного истолкования сочетания. Наш подход к проблеме таков — попытаться разрешить ее в результате синтеза исследования мифологических верований и лингвистического анализа. Мы ищем объяснения определению босый² /волк/.

Многие исследователи, вслед за В.И.Далем, видели в эпитете "босый" обозначение определенного цвета — серого. И так как диалектный материал в русском языке отмечает слово "буосый" со значением "серый, дымчатый, бурый",

принималось чтение "бусый" /Словарь-справочник, вып. I, с. 78-78/³. Ф. Миклошич, Ф. Е. Корш, А. Г. Преображенский выступали за тюркскую этимологию прилагательного "бусый". Впервые за тюркский источник заимствования высказались А. К. Казембек и И. Н. Березин /см. "Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики". СПб., 1854, II-III, с. 36, 190/. Ф. Е. Корш придерживался подобного мнения лишь некоторое время, в конечном счете им было принято чтение "бусый"⁴. П. Медиоранский считал, что заимствование могло быть более вероятным при чтении "бусый", сам отстаивал чтение "бусый". В не так давно вышедшем словаре Е. Н. Шиповой⁵ оба слова "босый" /с. 37/ и "бусый" /бусой/ отнесены к тюркским заимствованиям в русском языке. Первое приводится в сочетании "босый волк" с указанием на толкование В. А. Гордлевского: босый волк - тюркский тотем; второе с пометой "областное" со значением цвета "серый, пепельный". Нерусским кажется слово "бусый" /серый/ и М. В. Щепкиной. До сих пор точки зрения большинства исследователей совпадали в том, что эпитет "босый" или "бусый" - одно и то же прилагательное, обозначающее цвет. Спор в основном шел вокруг орфографии определения. Но М. В. Щепкина думает иначе: "босый" и "бусый" по семантике совершенно различные слова. Как видим, в науке не было недостатка в трудах, посвященных рассматриваемому эпитету.

Но несмотря на большое количество исследований многое в его объяснении остается еще пока не до конца выясненным. Например, семантика и этимология лексемы. Итак, тюркизм ли эпитет "босый"? T. Torbigtzson, позже "Этимологический словарь славянских языков" фиксирует наличие прилагательного *bozъ-jъ* 'босой, неподкованный, голый' в праславянском лексическом фонде. С таким же значением и в такой же форме слово существует во многих славянских языках: ст.-сл. бось, болг. бос, диал. бос; макед. бос, сербо-хорв. бос, словен. bôc, чеш. bozъ, польск. bozъ и др.⁶. По свидетельству В. И. Чернышева сочетание "босый

волк" в диалектном материале и фольклоре Покувской области отмечается в значении мифического существа – во-первых, пугали детей: "Не плачь, босый волк придет, съест тебя.". "Не бегай к речке, там тебя босый волк подхватит"; во-вторых, оборотня-волшебника: волк, действующее лицо в одной из сказок, обращается в принца, и, наоборот, серым волком иногда оборачивается в сказках молодец. В некоторых сказках серый волк – добродетельная фигура, помогающая героям в трудных делах; тогда определение "серый" – его "украшающий" эпитет.

"Босый волк" как мифическое существо в народной сказке сохранилось и в настоящее время. В одной записанной в Покувской области В.И.Чернышевым сказке рассказывается о чудесной столице "босого волка" – скамеечке /под иконой/, "босый волк" этой сказки также волшебный оборотень⁷. Босой в значении "волк" известно было севскому говору Орловской губернии почти до сегодняшнего дня.

Обратимся к материалу говоров той территории, где происходили события, описанные в "Слове" – Брянской области. В современных брянских говорах сочетание босый волк /в сравнении: как босый волк/ употребляется для характеристики быстро бегущего человека: "Что ты разбавляешься, как сьмашатный бегыш как босый волк"; "Как босый волк бегыть"; "У нас гаворить – как босый волк, а чила-веки, как он бягить". Применительно к волку "босый" употребляется для обозначения цвета шерсти: "Босый волк – када шерсть тиряет, вот босый волк, шерсть тиряит, шерсть збрасывает вясной, зимой был серый, а збросил – стал босый, бидаватый, бидавый дельца"⁸. В.А.Козырев приходит к выводу, что "сравнение как босый волк имеет в брянских говорах следующий смысл: "как подиавший волк", переносно- "быстрый, подвижный", ... "в "Слове о полку Игореве" под "босый" следует иметь в виду специфическую окраску волка после весенней линьки, в результате чего сравнение /бо-

смысл вълкомъ, т.е. "быстро", "отрепительно" / приобретает реальный смысл". Современные диалектные данные показывают, что бытование в русских говорах эпитета босый именно в такой форме не только несомненно, но и имеет широкое территориальное распространение. Данный эпитет был не столь редким. Тот факт, что гапаксы "Слова" обнаруживаются в диалектах, опровергает предположение скептиков о них, как о словах искусственно созданных. Для изучения язика памятников древнерусской письменности современные русские народные говоры являются богатым источником: в их составе сохранили многие архаические черты. Задачи сопоставления словарного состава "Слова о полку Игореве" с современной лексикой говоров... "побуждают искать решение вопроса в первую очередь у себя дома"⁹.

Наличие общеславянского прилагательного *bosъjъ*, широкое распространение словоупотребления "босый волк" в фольклоре, в современных говорах заставляют нас воздержаться от безоговорочного принятия гипотезы известного советского ориенталиста акад. В.А.Гордлевского, согласно которой 'босый' "Слова о полку Игореве" происходит из половецкого *bozъjъ* "темный"¹⁰. Сомневаться в названной этимологии нас побуждают и следующие причины. В.А.Гордлевский толкование и употребление сочетания "босый волк" рассматривал на основе изучения влияния тюркского фольклора на русский: тюркский тотем вошел в русский фольклор¹¹. Трудно согласиться с исследователем о заимствовании только эпитета, а не имени. Непонятно, зачем понадобился автору "Слова" тюркский эпитет, когда существовал искони праславянский?

В поковском фольклоре не могло быть заимствования образа как исторически, так и географически. Словоупотребление "босый /волк/" в поковских, орловских и брянских говорах общеславянского происхождения, а не заимствование: мифический образ волка таков же по происхождению. Тогда зачем понадобился бы автору "Слова о полку Игореве" образ "чужих кровей"? Древняя Русь знала собст-

венного волка — волшебника /ср. топонимику Белоруссии/. Кроме того, общеславянское "босый" на много столетий "старше" тюркского "босый" из "boz". Проникновение на Русь половецких представлений о волке В.А.Гордлевский датирует 2-й половиной II века, временем за 100 лет до создания "Слова".

Исследования последних лет показывают, что культ волка связан "о целым комплексом общиндоевропейских представлений", а более того, если учесть волка-тотема монголов и тюрков, является общевразильским: "волкоглавый" /ср. его прозвище *Bergazavi* < перс. *gurgar* "волчья голова"/ древнегрузинский царь Вахтанг I /У в. н.э./, греческий Ликаон, основавший город *λυκοῦρα*, сербохорватский Вук — Огненный Змей, способный к оборотничеству. Сюда же относятся имена — мифологического царя-оборотня, образованное от *wlkʷo "волк", родоначальника нартов — осет. *Wylx-uc* "волк" героя Бхемы в "Махабхарате" Врикодара "имеющий брюхо волка"; тотемистические имена североамериканских индейцев¹². Волк был тотемом и у северных германцев. А.С.Фаминцын предполагает названия некоторых славянских народов /Вильци, Хорутане /?/, Сербь /?/ Врань или Варин/ связанными с мифологическим значением названий оявленных животных волка и ворона¹³. Как видим, культ волка универсален. Общность поверья у столь отдаленных народов как тюрки, североамериканские индейцы, северные германцы заимствованием объяснить нельзя, здесь скорее нужно предположить типологию. Явления между собой генетически не связаны, в разных местах возникли самостоятельно, но сходны: вызваны сходными условиями общественного развития. Таким же типологическую парах — хель проводим касательно славянского и восточного образов мифологического волка. А как соотносятся между собой типология и заимствование? Одно другое не исключает, напротив, типологическая общность облегчает заимствование: однородная общественная ситуация предполагает возможность

культурных взаимодействий. Один народ заимствует у другого не только слова, но и сказания, поверья, обычаи. Однако при этом какие-либо непосредственные заимствования и влияния не всегда обязательны.

Этимология рассматриваемого определения окончательно пока что не решена. Нам представляется более вероятным его славянское происхождение. Таким же трудным является вопрос о смысле эпитета. Н.М.Дылевский определение "босый" "Слова" связывает с общеславянским и восточнославянским "bosyj" и, вслед за А.А.Потебней, предлагает видеть в "босый" слово, "имевшее в виду грубую, босую лапу хищного животного - волка"¹⁴. Не отрицая мифологического характера волка псковского фольклора, Н.М.Дылевокий выступил против такого в "Слове", давая общеславянское прилагательное "босый" в его первичном, конкретном значении - *nudipes*.

Примеры употребления прилагательного босый в славянских языках /ср. бол. поговорку "Да босия вьлк цървудите" - "возьмешь у босого волка опанки, снимешь с босого волка опанки", серб. "Бос као пас" - "бос как пес" /см. В.Караджич "Српски рјечник", 1889, с. 39/ иллюстрируют значение эпитета - обнаженная, босая, голая лапа хищного животного - волка. Привлечение различных контекстов из многих славянских языков могло бы позволить более определеннее проследить в них семантические оттенки употребления слова "босой". Задача эта очень трудоемка, и мы в своей работе ограничились лишь отдельными наглядными примерами. Исползованные примеры из русского, болгарского, сербского языков с прилагательным "босой", употребленным как определение к названиям животных, показывают предметное значение общеславянского прилагательного без всякого намека на тотемичность: "обнаженность ступени", "цвет шерсти или части тела" и т.д.

Есть мнение, что даже в тех случаях, когда речь идет о конкретных цветах - о сером волке или черном вороне,

не следует придавать цвету значение конкретно серого или черного. Это символы, синкретические представления, в которых цвет только переживание¹⁵ — явление, названное А.Н.Веселовским "окаменением"¹⁶. Цвет не всегда окрашивает, тем более в сращениях он играет второстепенную роль. Читая эпитеты "босымь" и "босуви" как "серый", А.М.Панченко думает, что и в этих случаях цвет — лишь переживание, что серый волк "Слова" — олицетворение прежде всего скорости и подтверждает свою мысль примерами из былин. В брянских говорах "как босый волк" в переносном употреблении значит "подвижный", быстро бегущий".

Как видим, на какой-либо одной точке зрения касательно анализа сочетания "босый волк" как единственно возможной настаивать не приходится: можно ли найти единое для всех толкование рассмотренного спорного места? Наше мнение таково, что определение "босый" вернее связывать с обозначением цвета. Основная задача рассуждения автору представлялась в том, чтобы показать, что возможность объяснения мифологического образа волка, если предположить, что "босый волк" "Слова" мифологический образ, обнаруживается и на славянской почве без заимствования. Мифологический образ волка является общеевразийской особенностью.

Волк-оборотень — это общеславянский миф, основные черты которого сводятся к следующему: 1/ прародитель — животное; 2/ необыкновенный сын рождается в последе; 3/ способен по желанию превращаться в любого зверя, связан с силами ночи, он вездесущ. Обратничество — традиционная тема общеславянского фольклора, надолго сохранившаяся во многих древних сказаниях и проявившаяся позднее в мифах о конкретных исторических лицах, например, на Руси — в мифе о полоцком князе Всеславе. Ср. точку зрения В.А.Гордлевского, согласно которой в полоцком князе Всеславе, родившемся от вдохновения, собраны элементы восточного волка-тотема. Р.Якобсон и М.Шефтель предполагают

возможность существования в дохристианское время у славян культа волка¹⁷. Анализируемое фольклорное предание отразилось в стихотворении А.К.Толстого 1840-х годов "Волк", в котором рассказывается о ведьмах, принимающих вид волков:

... "И стреляй по ним смело,
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие
На озе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Деять мертвых старух"¹⁸.

Материалы русского фольклора, диалектов русского и других славянских языков подтверждают орфографию эпитета в I издании и Екатерининской копии. Употребление прилагательного "босый" относительно к волку весьма уместно, это не выдумка подделывателя. Трудно принять утверждение А.А.Землина о том, что многие сочетания "Слова", среди них "бусови врани" и "босый волк" не находят подтверждения в устной литературе и являются "неповторимым своеобразием творческого почерка автора"¹⁹. Исследователь противоречит сам себе: двумя годами раньше он придерживаясь иного взгляда - "босый волк" и термин "бусый" встречаются в фольклоре²⁰.

Выше мы пытались доказать славянское происхождение сочетания "босый волк", но в то же время этим не отрицается "присутствие" в памятнике восточного²¹ волка-тотема. Относительно "Слова" можно говорить не только о восточных лексических заимствованиях, но и о влиянии восточного фольклора, что свидетельствует о хорошем знании автором мира представлений, сказочных и эпических образов степняков. Анализ всех случаев отражения восточной поэтической образности не входит в наши задачи, а из тотемических воззрений тюркских племен, связанных с культом волка, быка, лебедя, нашедших отражение в "Слове",

нас будет интересовать символ волка. Национальные взаимоотношения тюркских и монгольских племен отразились не только на языках, но и на верованиях. Для названных народов были характерны общие тотематические представления о волке-прародителе. "Книга эта общая у обоих народов, не принадлежит в отдельности ни одному из них, и вообще распространена в Средней Азии"²². О волке-тотеме много говорит "сокровенное сказание" монголов. Голова волка изображалась на знамени монголов, по преданию Чингис-хан рожден от волка. Также серым волком был рожден и легендарный предок тюрков Огуз. Слова, означавшее тотем, часто становилось названием рода или племени. Название волка как положительный эпитет употребляется в эпосе монголов и тюрков, в личных именах. Например, в бурятском эпосе "Адамжи-Мерген" герой превращается в волка:

"И в волка синего тогда
Она мгновенно превратившись
Скакала прытко ясным днем
И прыгала туманной ночью"²³.

О древнем предке тюрков и монголов говорили утвердительно И.Н.Березин, Г.Н.Потанин, Б.Я.Владимирцов, В.В.Бартольд, М.Фуад Кепрюлю. Тотем волка - родоначальника отражен и в "Слове": "вльци грозу всрожать", хан Газак "бьжить сырны влькомь", "коди Игорь соколкомь полеть, тогда Бдурь влькомь потече...". Но у тюркских и монгольских народов отмечалось явление заметного смещения тотемов - ими считались и волк, и собака. По мнению Г.Н.Потанина, в имени первой жены Чингис-хана /Буртэ-чино/ заключено представление о двух тотемах²⁴. Ср. различные варианты легенд о рождении Аттилы то от волка, то от собаки. Можно еще привести некоторые примеры примет, связанных с явлением смещения тотемов. Встреча с волком, когда волк перебегает дорогу, сопутствует удаче - думают киргизы, у казачков существует примета об удаче при встрече с собакой. Башкиры верили в помощь собаки при лечении больных детей.

В современных тюркских и монгольских языках распространены личные имена с компонентами эт "собака", кесек "щенок" - в тюркских и ноха "собака" - в монгольских языках: башк. мужск. Эткох, Кесекбай, жен. Этбикэ, каз. Этбай /Итбай/, Кесекбай /Кушикбай/, туркм., тур. Этамас/Итамасо/, адг. Кучук, Ит-баш, бур, калм. Нохой, Ноха и т.д. Культ собаки своим происхождением связан с культом волка. У туркмен, башкир когда-то волк и собака назывались одним термином. Волк и собака нередко отождествляются и в мифологии чувашей. О широком распространении тотемического культа собаки свидетельствует также антропонимический материал, являющийся реликтом таких представлений. Отсюда, личным именам как одному из источников изучения древних народных верований должно уделяться больше исследовательского интереса. Этимология имен позволяет подметить интересные бытовые детали, характеризующие ту или иную эпоху. Изучение антропонимов имеет большое значение в особенности при разрешении проблем, относящихся к древнейшим временам, от которых осталось мало документов и памятников.

II. Кобяк в "Слове о полку Игореве" историческое имя половецкого хана. Это широкораспространенное тюркское имя, встречавшееся даже у Сельджукидов Рума. Знакомо оно было и на Руси: Иван Кобяк, Московский посол в Казани /найдено в летописи по 1511 годом/, Кобяк Клементьев сын Динев, поручитель по боярам, Илья Кобяк, подчашный Полоцкий²⁵. Фамилия Кобякин была распространена в Рязанской губернии.

В "Слове" это имя употреблено три раза, приведем лишь примеры сочетания данного антропонима с другими словами без привлечения широкого контекста: "а поганого Кобяка...", "и падеся Кобякъ в градъ Кіевъ...", "пльку Кобякова". Этимология имени из половецкого слова Kōbāk - 'собака' ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Мужские имена у тюркских и монгольских народов часто являлись производными от названий и кличек собак: Боняк - "Бело-

шейка; Барак - кличка собаки с длинной шерстью, Иит, Иитляр - "собака", "собаки" - имена половецкий князей, Ногай /из монг. Ногай - "пес, собака"/ - имя Золотоордынского полководца /1299-1300/, одного из потомков рода Чингизхана²⁶. Имя Кобяк относится к зооантропонимам, связанным с тотемизмом, но при этом не следует забывать, что связь между тотемизмом и именами из зоонимов не всегда обязательна: на выборе подобных имен сказывалось несколько факторов, не только тотемизм, среди которых можно подчеркнуть и этот - отличное знание особенностей представителей животного мира. Давая ребенку имя от названия животного, родители желали, чтобы от данного животного как от прежнего носителя имени ребенок получил и его лучшие свойства: силу, живучесть, здоровье, смелость. Именами животных в старину назывались и многие славянские вожди и князья: брат Рогволода назывался Турь; под 1208 г. в Ипатьевской летописи зафиксировано имя Петрь Туровичь, в словаре Рупикова находим имена Ворон, Волк, Собака, Воробей, Бык и т.д. Большое количество примеров аналогичных антропонимов из древнерусских памятников, начиная с XI века, приведено у А.И.Соболевского: Чьгъль - сокол, писец Слов Григория Богослова, XI в. Воронь - писец Итиа Саввы Освященного, XIII-XIV вв. Соболевский отмечает, что особенно часты подобные имена в документах XV-XVII вв. Интересным представляется замечание Соболевского о том, что "употребление названий животных разного рода в качестве личных имен свойственно едва ли не всему человечеству. Древняя Русь знала его издревле"²⁷. На формирование именовослова многих восточных народов существенное влияние оказало наличие тотемических представлений. К именам тотемного происхождения относим антропоним Кобяк. Вторым фактором, влияющим на выбор имен из зоонимов, по нашему мнению, являлись диссимуляционные обряды, характерные, если не для всех, то для большинства народов. К именам, связанным с указанными обрядами, относилась большая группа имен по названиям жи-

вотных и птиц, это так называемые имена - "обереги" от "нечистого глаза", от злых духов: Баяк. Кучук - щенок, монг. кам. Мунохой - плохая собака. Ср. подобные русские личные имена: Сокол, Ворон, Волк, Волчий Хвост, Тур, Сом, Окунь. Из различных рядов слов, составляющих группу личных имен - "оберегов", нами упоминаются лишь названия животных и птиц. Материал анализа ограничен таким образом, чтобы показать, что не все "животные" имена обязательно относились к тотемным, что не следует чрезмерно увлекаться поисками тотемизма повсюду. Правильность последнего положения подтверждают русские некалендарные имена, которые исключительно являлись именами - "оберегами".

Если имя Кобяк мы смело относим к разряду тотемных имен, то относительно других имен половецких ханов в "Слове" этого безоговорочно сделать нельзя. Имена Кончак, Гза/Гзак имеет по несколько этимологий, причем новые этимологии, которые представляются более вероятными, совершенно далеки от ранее высказанных точек зрения И.Н.Березина и В.А.Гордлевского о том, что Кончак < *gandayg* ~ *qan'ayq* "сука", по аналогии с именами Кобяк, Барак, Ногай со значением "собака" и И.Н.Березина, что Гза < *qax'gus'*²⁸. Не все исследователи рассматривают настоящие имена как зоантропонимы.

Зарождение имен - сложный процесс, определяемый многими факторами, среди которых можно выделить как широкое явление тотемизма, так и индивидуальные мотивы наречения. При разборе собственных имен, особенно древних, необходимо тщательный анализ.

Изучение тюркских имен в древнерусских памятниках сопряжено с рядом трудностей, главная из которых состоит в том, что у кочевых тюрков существовал обычай называть ребенка по первому попавшемуся на глаза отцу ребенка предмету. Таким образом, используемая для наречения лексика ничем не ограничивалась. По этой причине долгое время большинство тюркских имен из "Повести временных

лет". "Слова о полку Игореве" и других памятников оставалось неисследованными. Фактически начало их обстоятельному изучению было положено сравнительно недавно в трудах К. Менгеса, А. Зайончковского, И. Г. Добродомова, Н. А. Баскакова. В этой области предстоит еще многое сделать: возможности истолкования уже известных антропонимов далеко не исчерпаны, а многие из имен вовсе остались нерассмотренными. Даже на примере разбора одного антропонима Кобяк доказывается правота Г. Шавырева, некогда заметившего, что /цитирую по книге Д. Дубенского "имена половецкие, сохранившиеся в наших летописях, могли бы облегчить ориенталистов при исследовании - кто были половцы?"²⁹. Привлекаемый в настоящей работе круг этнографических сведений позволяет подтвердить, что среди половцев - язычников широко были распространены тотемистические представления, одинаково характерные также для монгольских племен, с которыми первые контактировали на длительном протяжении своей истории. Результаты обоих представлений и исторических контактов обеих групп указанных народов нашли выражение в их антропонимике.

---

1 Слово о полку Игореве, ... - В кн.: Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". М.-Л., 1965, вып. I, с. 24

2 Толкование эпитета волка "буоний" или "босый" представляет собой длительную дискуссию, подробно рассмотренную в трудах В. А. Гордлевского и Н. М. Дилевского. См.: Гордлевский В. А. Что такое "босый волк"? - ИОЛЯ. М., 1947, т. УІ, вып. 4, с. 317-337; Дилевский Н. "Буоний" или "босый" волком в "Слове о полку Игореве". - "Известия на Камарата на народната култура, серия хуманитарни науки", 1947, т. ІУ, с. 203-225. Оба автора после тщательного анализа различных точек зрения приходят к заключению, что в первоначальном тексте стояло "босый", и что такое чтение "оправдано и палеографически, и диалектологически"

- 3 См. также: Словарь русских народных говоров. I., 1968, вып. 3, с. 306
- 4 Корш Ф.Е. Турецкие элементы в языке "Слова о полку Игореве". - ИОРЯС. СПб., 1903, т. УШ, кв. 4, с. 33
- 5 Шинова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 103
- 6 Torbjörnsson T. Die Bestimmten Adjektivformen der slavischen Sprache. - In: "Zeitschrift für slavische Philologie" Leipzig, 1925, B. I, Doppelheft 3/4, S. 277;
- Этимологический словарь славянских языков. М., 1975, вып. 2, с. 223
- 7 Чернышев В.И. Темные слова в русском языке. - В кн.: Чернышев В.И. Избранные труды. М., 1970, т. I, с. 307
- 8 Козырев В.А. Словарный состав "Слова о полку Игореве" и лексика современных русских народных говоров. - В кн.: ТОДРЛ. Л., 1976, т. XXXI, с. 95
- 9 Головенченко Ф.М. Слово о полку Игореве. М., 1963, с. 4
- 10 Гордлевский В.А. Что такое "босый волк"?, с. 320
- 11 Ср. Робинсон А.Н. О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период. - В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 211-214; "Древнетюркский /половецкий, печенежский и др./ тотем волка-родоначальника... нашел отражение в "Слове": "вльци грозу всрожать". Игорь... "окочи съ него босымь влькомь..." автор отклоняет преобладавшую у него до сих пор традицию русского фольклора /серымь/ и вводит характеристику половецкого тотема /"босымь"/"
- 12 Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. - ИЮЛЯ, 1975, т. XXXIV, № 5, с. 399, 407-408
- 13 Фаминцын А.С. Божества древних олаван. СПб., 1884, с. 204-206

- 14 Дылевский Н.М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности "Слова о полку Игореве" по старым и новым данным. - В кн.: "Слово о полку Игореве" - памятник XII века. М.-Л., 1962, с. 199
- 15 Панченко А.М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян. - В кн.: ТОДРЛ, Л., 1968, т. XXIII, с. 12
- 16 Веселовский А.Н. Из истории эпитета. - В кн.: Веселовский А.Н. Собр. соч., СПб., 1913, т. I, с. 69
- 17 Jakobson R. Szeftel M. *The Vseslav Epos.* - In: "Russian Epic Studies: Philadelphia, 1949, p. 13-86; Jakobson R. *Ružičić G. The Serbian Zmaj Ograjeni Vuk and the Russian Vseslav Epос.* - In: "Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire orientales et Slaves", t. X, Bruxelles, 1950, p. 243-356
- Упомянем об известном сообщении Геродота о способности невра - возможных предков славян - обращаться в волков. Е.Ф. Карский указывал, что у восточных славян: "особенно замечательно обращение в волков". См. Карский Е.Ф. Белорусы. М., 1916, т. III, кн. I, с. 43. Ср. Прийма Ф.Я. Болгарские параллели к "Слову о полку Игореве". - В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976, т. I, с. 53: "В исследованиях о "Слове" уже неоднократно отмечалось, что сравнение воина с волком /"скачить акы серыи вльци в поле"/, по-видимому, восходит к тотемистическим представлениям древних "русичей"
- 18 Толстой А.К. Собрание сочинений в 4-х томах, М., 1969, т. I, с. 212
- 19 Зимин А.А. "Слово о полку Игореве" и восточнославянский фольклор. - В кн.: Русский фольклор. М.-Л., 1968, т. XI, с. 213
- 20 Зимин А.А. К вопросу о тюркизмах "Слова о полку Игореве". - Исторический сборник. Чебоксары, 1966, вып. XXXI, с. 148
- 21 Под термином "восточный" в данном случае подразумевается понятие "тюркско-монгольский"

- 22 История монголов. Соч. Рашид-Эд-Дина. Русский перевод с предисловием и примечаниями Березина И.Н. - "Труды Вост. Отд-я Археологического общества" СПб., 1868, ч. XIII, с. 149
- 23 Алимжи-Мерген. Бурятский эпос. Стихотворный перевод Ивана Новикова. Вводная статья и комментарии Г.Д. Санжеева. М., 1936, с. 145
- 24 Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, с. 801
- 25 Тушиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, с. 184
- 26 Баскаков Н.А. К этимологии половецких собственных имен в "Слове о полку Игореве". - В сб.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, с. 44
- 27 Соболевокий А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 235
- 28 Баскаков Н.А. Еще о тюркизмах "Слова о полку Игореве". - В кн.: "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI-XVII вв. М., 1978, с. 63-64
- 29 Дубенский Д. "Слово о полку Игореве". М., 1844, с. 244

С о к р а щ е н и я

- ИОЛЯ - Известия Отделения литературы и языка АН СССР
 ИОРЯС - Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР
 ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы /Пушкинский дом/ АН СССР